

М. А. Алданов

**Пуншевая водка и могила
воина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А45

А45 **Алданов М.А.**
Пуншевая водка и могила воина / М. А. Алданов – М.: Книга по Требованию,
2014. – 293 с.

ISBN 978-5-458-52940-2

ISBN 978-5-458-52940-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Въ канцеляріи курьеру Михайлову было велѣно скакать въ двѣ упряжки въ день, а гдѣ можно, то и ночью. Подорожная была составлена такъ, что отказа въ лошадяхъ нигдѣ быть не могло. Михайловъ, крупный, широкоплечій, лысый человѣкъ лѣтъ сорока, съ умнымъ, хитрымъ, выразительнымъ лицомъ, выслушалъ эти слова молча съ угрюмой усмѣшкой, ясно говорившей: «зачѣмъ всякій разъ повторять тотъ же вздоръ?» Онъ ѣздилъ по Россіи лѣтъ пятнадцать и зналъ по опыту, что такіе приказы никакого значенія не имѣютъ: ѣхать будетъ какъ Богъ дастъ, иногда въ самомъ дѣлѣ днемъ и ночью, а иной разъ придется просидѣть на станціи недѣлю. Прогонныя и кормовыя были выданы ему въ размѣрѣ, повышенномъ противъ правила, такъ какъ дорога была очень тяжелая: въ Пелымъ, тысячи три версть.

До отъѣзда оставались сутки. Михайловъ привыкъ къ своей бездомной жизни, но въ Сибирь его еще никогда не отправляли. Эта поѣздка означала по меньшей мѣрѣ два мѣсяца скачки при лютой стужѣ, по странѣ дикой, ему неизвѣстной и опасной: долгіе дни и ночи безрадостнаго существованія, безъ развлеченій, безъ столичныхъ кабаковъ, почти навѣрное безъ женщинъ. Въ канцеляріи понимали его чувства, считали ихъ естественными и заранѣе знали, что онъ сегодня напьется: не можетъ не напиться. Но знали также, что за пакетами Михайловъ завтра явится въ полной готовности, въ точно указанное время: онъ считался однимъ изъ лучш—

курьеровъ; его умъ, исполнительность и честность очень цѣнили, поэтому и назначили его въ такую поѣздку. Все же, изъ предосторожности, денегъ на руки дали только три рубля: остальное при отъѣздѣ. Михайловъ поворчалъ, но не очень торговался: понималъ, что и канцелярія права.

Отправился онъ вечеромъ въ кабачокъ на петергофской дорогѣ, въ которомъ торговали его любимой пуншевой водкой. Тамъ во вторую комнату допускались простые люди, и для нихъ тамъ была простая ѣда. Въ первой же, большой, комнатѣ постоянно бывали господа, кто проѣздомъ въ Петергофъ или въ Ораніенбаумъ, кто такъ, цѣня кухню и развлечения: въ послѣднее время въ кабацкѣ играли на гитарахъ, пѣли и плясали невиданные еще въ Петербургѣ *лаеши* (1), которымъ при покойной государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ было строжайше запрещено показываться въ Россію. Михайлову очень нравились ихъ пѣніе и они сами, бездомные, какъ онъ, необыкновенные, ни на кого не похожіе люди. Водилъ съ ними знакомство и у молодого лаеша Хапило выучился плясать, адски хлопая себя по сапогу, — у нихъ и сапоги были необыкновенные: красные, зеленые, желтые. Старался и пѣть какъ они: одновременно голосомъ, улыбкой, выраженіемъ лица, плечами, подтаптываніемъ. Впрочемъ, лаеши хохотали, глядя и слушая, какъ онъ пляшетъ и поетъ по ихнему; онъ самъ чувствовалъ: то да не то.

У подѣзда передъ кабачкомъ стояли великолѣпныя сани, запряженныя цугомъ четверкой вороныхъ лошадей съ красными бантами, съ красной сафьянной сбруей, съ золоченымъ наборомъ. Михайловъ прошелъ со двора, черезъ кухню, во вторую комнату. Тамъ закусывали люди, очевидно, изъ этой кареты: бритый, пудренный, съ косою, кучеръ въ бархатномъ кафтанѣ, гайдукъ, одѣтый гусаромъ, бѣгунъ, въ бархатной шапочкѣ съ кистями и, какъ лошади, съ бантомъ на головѣ. Ихъ госпо-

1) Цыгане.

дамъ все носили въ залу дорогія блюда: похлебку изъ рябцевъ, кронштадтскихъ ершей съ пуре, сладкое ягнячье мясо, а также бутылки замороженнаго шипучаго французскаго вина.

Михайловъ сквозь пріотворенную дверь заглянулъ сочувственно въ господскую комнату. За уставленнымъ бутылками столомъ ужинали молодые офицеры, всѣ, какъ на подборъ, огромнаго роста и красавцы. Они были похожи другъ на друга, какъ братья, но и среди нихъ выдѣлялся одинъ: совершенный великанъ, необыкновенно грознаго вида, съ лицомъ настолько страшнымъ, что людямъ невольно хотѣлось поскорѣе отойти отъ него подалеже. Онъ пилъ бокалъ за бокаломъ, видимо, не пьянѣя. Противъ него саженьяхъ въ трехъ, у стѣны, скрестивъ руки, болѣе темныя, чѣмъ лицо, неподвижно, какъ столбъ, стоялъ старый большой лаешъ въ бѣлой рубахѣ съ золотымъ позументомъ, въ зеленыхъ сапсгахъ, безъ гитары, ничего не дѣлавшій, даже какъ будто ни на что не смотрѣвшій, и все же совершенно необходимый другимъ; два лаеша вполголоса пѣли, глядя не на публику, а другъ на друга, точно сообщая одинъ другому о чемъ-то, — и вдругъ въ ихъ напѣвный разговоръ врывалась красивая горбоносная лаешка, и все переходило въ общій дикій хоръ. Хапило, не прекращая ни на секунду игры, ловко перебрасывалъ и ловилъ свою отдѣланную накладкой гитару. Великанъ за столомъ, безъ слѣдовъ улыбки, хлопалъ въ тактъ огромными страшными руками, не спуская неподвижныхъ глазъ съ молодой лаешки. На лицѣ у него былъ большой рубецъ.

Закусывая, Михайловъ разговорился съ людьми. Узналъ, что офицеры въ самомъ дѣлѣ братья; фамилія у нихъ была обыкновенная, не княжеская, неизвѣстная. Бѣгунъ вполголоса добавилъ, что господа пускаютъ пыль въ глаза: имѣнья мало, а денегъ, бываетъ, и совсѣмъ нѣтъ.

Лаеша пѣли до поздней ночи, и до поздней ночи въ

господскую залу носили вино. Михайловъ вначалѣ пить пуншевую водку. Она стоила дорого, и ею онъ новыхъ знакомыхъ не угощалъ. Хотѣлъ было купить въ дорогу хоть одну бутылку, — зналъ, что этой водки нигдѣ, кромѣ столицъ, не найти, — но раздумалъ: что-жъ одну бутылку брать съ собой? Все равно до первой станціи. Съ полуночи онъ сталъ пить дешевый *взварецъ* изъ вина, пива и меду съ кореньями, потчевалъ имъ другихъ и часамъ къ двумъ уже былъ почти пьянъ: подъ доносившееся изъ залы дикое пѣніе, хлопанье, топоть, обнимался съ бѣгуномъ, плакалъ и говорилъ, что уѣзжаетъ надолго, а можетъ, и совсѣмъ не вернется: посылаютъ очень далеко, къ ссыльному. На вопросъ же бѣгуна, какой-такой ссыльный и гдѣ живетъ, Михайловъ отвѣчалъ загадочно, отчасти, чтобы придать себѣ интереса, отчасти изъ любви къ присказкамъ и къ образной рѣчи: «На морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, какъ быкъ печеной, ѣсть чеснокъ толченой»... Въ дѣйствительности, онъ и самъ не зналъ толкомъ, что за ссыльный живетъ въ Пелымѣ. Содержаніе пакетовъ всегда держалось въ секретѣ, но почти всегда, изъ канцелярскихъ разговоровъ, курьерамъ было смутно извѣстно, съ чѣмъ ихъ посылаютъ. На этотъ разъ Михайловъ зналъ только, что пакеты пріятные: царская милость.

Часа въ четыре ночи пѣніе и пляска кончились. Братья офицеры поднялись, расплатились щедро, — это было видно по лицамъ вернувшихся лакеевъ, — и уѣхали; бѣгуна послали куда-то пѣшкомъ, о чемъ-то между собой пошептавшись: скороходы при господахъ замѣняли почту. И у всѣхъ въ обѣихъ комнатахъ была мысль, что вѣрно бѣгунъ посланъ за женщинами. Горбоносая лаешка приняла видъ достойный и оскорбленный.

Послѣ отъѣзда офицеровъ въ кабацкѣ стало скучно. Необыкновенные люди убирали гитары, дѣловито, разговаривая на непонятномъ языкѣ, считали деньги, стараясь, чтобы никто не видѣлъ сколько, и какъ будто изъ за денегъ переругивались, впрочемъ безъ злобы:

вдругъ стали обыкновенными. Это разстроило Михайлова. Его три рубля были на исходѣ; онъ о нихъ не жалѣлъ: деньги вообще берегъ, но, когда проводилъ ночь хорошо, не огорчался, что много истратилъ. Вещей же своихъ онъ не продалъ и даже въ долгъ не влѣзъ, хотя пользовался у кабатчика кредитомъ, съ осени повышеннымъ до сорока копѣекъ.

На разсвѣтѣ онъ былъ дома, проспалъ два часа, окатился водой и безъ единой минуты опозданія, совершенно трезвый, ничего не забывъ, ни валенокъ, ни мѣшка съ провизіей, ни пистолета, явился въ канцелярію. Получилъ отъ расходчика пакеты въ казенной шкатулкѣ, спряталъ деньги въ мѣшочекъ за пазуху, сказавъ: «Держи дѣвку въ тѣснотѣ, а деньги въ темнотѣ», и съ тѣмъ же угрюмо-насмѣшливымъ видомъ выслушалъ тѣ же наставленія: скакать во всю мочь, нигдѣ не останавливаясь, въ двѣ упряжки. Затѣмъ ему пожелали счастливаго возвращенія, а онъ мрачно отвѣтилъ: «Со счастьемъ на кладъ набредешь, безъ счастья гриба не найдешь». Канцеляристъ еще намекнулъ, что отъ помилованныхъ ссыльныхъ бываетъ иногда немалая награда. На это Михайловъ ничего не сказалъ: не очень вѣрилъ, да и не вспомнилъ присказки на такой случай.

II.

Чѣмъ дальше отъ Петербурга, тѣмъ больше вниманія оказывалось курьеру. О смерти государыни и о восшествіи на престоль императора Петра III уже было извѣстно вездѣ. Но пріѣзжихъ изъ столицы въ далекихъ городахъ еще было очень мало. О новомъ государѣ почти никто ничего не зналъ. Знали только, что онъ приходился племянникомъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и внукомъ Петру Великому. Но о семьѣ его отца, нѣмецкаго принца, о родствѣ новой государыни было въ глуши немного свѣдѣній, а о событіяхъ, о духѣ, о прочности новаго царствованія еще того меньше. Поговаривали втихомолку, что можетъ вернуться на престоль потомство царя Ивана Алексѣевича.

Обо всемъ этомъ Михайловъ не зналъ рѣшительно ничего. Но свое ремесло онъ зналъ отлично и на станціяхъ придавалъ себѣ таинственный видъ. На вопросы отвѣчалъ: «тайна грудью крыта, а грудь подоплекой», или что-нибудь въ такомъ родѣ. Если же раззадоренные любопытствомъ люди давали на водку, описывалъ наружность царя и царицы, хоть ни разу ихъ не видалъ. Спрашивавшимъ о новыхъ порядкахъ и о слухахъ не отвѣчалъ ничего, такъ какъ опасался тайныхъ подсылщиковъ, но къ вопросамъ прислушивался внимательно и становился по мѣрѣ удаленія отъ Петербурга все освѣдомленнѣе о столичныхъ событіяхъ.

Онъ благополучно проѣхалъ черезъ Засурскій лѣсъ, пользовавшійся худой славой. Зналъ, что разбойниковъ въ Россіи много меньше, чѣмъ рассказовъ о разбойникахъ, однако пистолеть держалъ наготовѣ. Ѣхалъ за совѣсть, дѣлая иногда по полтораста и по двѣ-

сти версть въ сутки. Отдохнулъ немного на Суксунскихъ демидовскихъ зпводахъ, гдѣ всѣхъ проѣзжихъ, и дврянъ, и купцовъ, и подлыхъ, содержали бесплатно сколько угодно времени. За Кунгуромъ начиналъ подниматься Уральскій хребеть. Курьера стало приглашать и начальство: приказывало накормить какъ слѣдуетъ, давало начай, гдѣ пятакъ, гдѣ гривенникъ, и спрашивало, какъ и что въ Петербургѣ. Онъ отвѣчалъ отрывисто, таинственно и держалъ себя какъ власть съ властью. О пакетахъ, которые онъ везъ, его не спрашивали: это не полагалось, да и никого особенно не интересовали пакеты, адресованные другому начальству.

Дни становились все холоднѣе, мѣста все пустыньѣе, на трактѣ случалось проѣзжать версть восемьдесятъ, не видя станціи. Михайловъ ночевалъ въ сторожкахъ, или, съѣзжая съ тракта, въ крестьянскихъ избахъ. Тамъ отъ денегъ за ѣду и ночлегъ почти всегда отказывались. Это было пріятно, но разговаривать съ мужиками ему было неинтересно по ихъ невѣжеству и безразличію къ столичной жизни. Впрочемъ, говорилъ и съ ними: сначала грубо и презрительно, потомъ смягчался отъ водки и общаго почтенія и рассказывалъ, что посланъ къ одному ссыльному, который на морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, какъ быкъ печеной ѣсть чеснокъ толченой. Но на темныхъ мужиковъ красная рѣчь не производила должнаго впечатлѣнія.

За Яикомъ дорога стала еще тяжелѣе изъ-за свирѣпыхъ холодовъ, скуки и безлюдья. Нелегко было доставать и продовольствіе. Водка была вездѣ, — не пуншевая, конечно, а простая, — но все дорожала съ приближеніемъ къ Сибирской губерніи. Появилась растительность, неизвѣстная курьеру ни по виду, ни по названію: крушина, боярка, черный тополь, сибирскій кедръ. Показались глубокія пропасти, грозные, въ полдень темные, лѣса, называвшіеся здѣсь «кондовыми». Изрѣдка съ адскимъ топотомъ и ржаньемъ, вызывавшимъ невольный ужасъ, проходили по тракту перегоняемые *косяки* безчисленныхъ коней. Появились инородцы,

по всей видимости некрещенные, а среди русских — люди со звѣрскими клейменными лицами и рваными ноздрями. Край был страшный.

Михайлову велѣно было сообщить объ указѣ первымъ же властямъ туринскаго округа. Въ небольшомъ городѣ на трактѣ онъ явился по начальству и вручилъ свой пакетъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, полицейскій капитанъ измѣнился въ лицѣ. Прочелъ бумагу, перечелъ ее, вытаращенными глазами посмотрѣлъ на почтительно вытянувагося курьера, затѣмъ подошелъ къ двери.

— Миниху вышло помилованіе! — сказалъ онъ съ такимъ видомъ, точно ждалъ, что тамъ вскрикнуть и всплеснуть руками. Отклика онъ однако не нашелъ.

— Миниху? Ну, и слава Богу, — отвѣтилъ за дверью равнодушный старческій голосъ. Капитанъ пожалъ плечами, вернулся къ курьеру и сталъ было его спрашивать. Но, какъ опытный человѣкъ, скоро понялъ, что курьеръ ровно ничего не знаетъ. Услышавъ, что есть къ ссыльному и личное письмо, которое приказано отдать въ собственныя руки, — подумалъ, сѣлъ за столъ и очинилъ перо.

— Пакетъ отдашь самому генералу. Я тебѣ и отъ себя дамъ записку. Отъ генерала пройдешь въ Пелымъ, къ *его высокопревосходительству*. Ну, а здѣсь отдохни до завтрашняго утра. На кухнѣ тебѣ дадутъ пообѣдать. И вотъ тебѣ, братецъ, отъ меня двугривенный.

Михайловъ не сразу догадался, что его высокопревосходительство это ссыльный, къ которому онъ ѣдетъ. Имя Миниха ему было неизвѣстно, хоть въ Петербургѣ, когда его произнесли въ канцеляріи, оно показалось ему знакомымъ: какъ будто слышалъ, когда былъ мальчишкой. Накормили его на кухнѣ такъ, какъ онъ очень давно не ѣлъ. Изъ окна онъ видѣлъ, что куда-то понеслись верховые. Понялъ, что его хотятъ опередить; по этому и по другимъ признакамъ курьеръ сообразилъ, что для здѣшнихъ властей привезенный имъ указъ

имѣеть очень большое значеніе. Ему показалось также, что онѣ не очень имъ довольны.

Это впечатлѣніе еще укрѣпилось въ слѣдующемъ, главномъ городѣ. Не успѣлъ онъ показать на заставѣ подорожную караульному офицеру, какъ получилъ приказъ, несмотря на поздній, неприсутственный часъ, никуда не заѣзжая, ѣхать прямо на гору, къ генеральскому дому.

Домъ былъ большой, двухэтажный, съ будками для часовыхъ. Въ чистыхъ уже полутемныхъ сѣняхъ не было ни соринки. Михайлова тотчасъ ввели въ генеральскій кабинетъ. Такого кабинета онъ никогда не видалъ у начальства и въ Россіи. Глаза у него разбѣжались: диваны и кресла изъ черной кожи съ мѣдными гвоздями, синяя печь на столбахъ, коричневые шпалеры съ зелеными человѣчьими лицами, на стѣнѣ полуголая женщина съ огромной змѣей, впившейся въ румяныя груди — сразу въ обѣ, — огромный столъ, а за столомъ самъ генераль, невысокаго роста старый человѣкъ, въ наплечникахъ и при кавалеріяхъ. Изъ сосѣдней комнаты доносилась музыка. Михайловъ подалъ пакетъ и остановился, вытянувшись до предѣловъ возможнаго.

Генераль читалъ бумагу очень долго, точно хотѣлъ заучить ее наизусть. Затѣмъ въ раздумьи положилъ ее на столъ и велѣлъ подать второй пакетъ. Михайловъ не осмѣлился возразить, хотя ему было велѣно вручить письмо въ собственныя руки ссыльнаго. Повертѣвъ нерѣшительно пакетъ въ рукахъ, генераль, не вскрывая, вернулъ его курьеру и сказалъ:

— Такъ сейчасъ же въ полную притъ скачай въ Пелымъ и скажи его сіятельству, что я самъ въ Пелымъ тотчасъ пріѣзжать буду, и что все по желанію графа дѣлано будетъ. И вотъ тебѣ одинъ полтинникъ...

Онъ оглянулся на дверь. Вошла пожилая очень толстая дама со свѣчкой въ серебряномъ подсвѣчникѣ. Она бросила недовольный взглядъ на монету, которую отдавалъ курьеру генераль, отъ своей свѣчи зажгла свѣчи на столѣ, поставивъ подъ фитилекъ лодочкой

ладонь, чтобы воскъ не капнулъ на черную кожу, и заговорила съ генераломъ не по-русски.

— *Das hat nur gefehlt!*— отпустивъ курьера, сказалъ женѣ генераль. Онъ не могъ справиться съ досадою. Ему, однако, тотчасъ стало совѣстно. — Разумѣется, за него я очень радъ, но...

— Что же онъ можетъ противъ насъ имѣть? — безпокойно замѣтила генеральша, уточняя мысль мужа. Мысль эта приблизительно заключалась въ томъ, что возвращеніе въ милость ссыльнаго не можетъ обѣщать ничего хорошаго тѣмъ, у кого онъ въ теченіе многихъ лѣтъ находился въ поднадзорной ссылкѣ. — Кажется, никакого зла онъ отъ насъ не видѣлъ. И наша ли вина, если...

— Все таки странная страна! — въ сердцахъ прервалъ ее генераль. — Держать человѣка двадцать лѣтъ въ ссылкѣ, и вдругъ... Ему возвращено все: онъ снова графъ, фельдмаршалъ и генераль-фельдцейгмейстеръ. Еще, быть можетъ, станетъ опять первымъ министромъ!

— Но вѣдь ему, кажется, восемьдесятъ лѣтъ?

— Если не больше. И какихъ лѣтъ! Но онъ, говорятъ, свѣжъ, какъ молодой человѣкъ!

Музыка въ сосѣдней комнатѣ прекратилась, въ комнату вошла молоденькая, очень хорошенькая блондинка.

— Папа, кто это молодой человѣкъ? — по-русски спросила она и, узнавъ, что рѣчь идетъ о Минихѣ, засмѣялась. Послушала разговоръ родителей, который интересовалъ ее очень мало. «Кончатъ ли? Сейчасъ кончаютъ», — подумала она, — «папа въ плохомъ настроеніи: не позволить»...

— Я сейчасъ же послѣ обѣда выѣду въ Пельмъ, — продолжалъ по-нѣмецки генераль. — Пусть мнѣ приготовятъ все, что нужно.

— Господи! Въ такой морозъ, въ Пельмъ!

— Что же дѣлать! Все это очень серьезно... Я говорилъ, что нужно было послать ему шубу. Все-таки